

КИММЕРИЙСКОЕ ЛЕТО

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Проснувшись, Ника сразу вспоминает о не выученной накануне физике, и день начинается с ощущения глубокой враждебности всего окружающего. Мать отдергивает штору и распахивает окно настежь, затопив комнату блеском и свежестью солнечного майского утра; однако веселее от этого не делается - всякому понятно, что показное великолепие природы лишь обманчиво прикрывает собою мрачную сущность мироздания. Сущность, которая не может не вызывать решительного протеста.

Протестуя всем своим видом, Ника не спеша бредет в ванную - нарочно не спеша, хотя времени остается не так уж много. Купанье отчасти примиряет ее с действительностью, но потребность в протесте остается. Ника плещется под душем, не заправив в ванну край полиэтиленовой занавески, бросает мыло там, где ему лежать не годится, и оставляет незавинченным тюбик "Поморина" - все это в знак протеста. Она прекрасно знает, что с рук ей это не сойдет, что опять придется выслушивать нотации и рассуждения об упрямстве, неряшливости и иных пороках, и уже заранее возмущается вечными придирками старших.

Одеваясь у себя в комнате, она тоже протестует. Вчера предсказывали переменную облачность с возможным понижением температуры, и сейчас мать напоминает ей об этом, приоткрыв дверь. Ника отвечает громким театральным вздохом, показывая, что терпение ее уже на исходе, и начинает выбирать белье самое легкое и самое нарядное. Потом натягивает самые тонкие чулки - не потому, что ей так уж приятно носить скользкий тугой дедерон, а просто чтобышний раз доказать, что в шестнадцать лет человек (обладатель паспорта) имеет право на самоутверждение. Едва она, самоутвердившись и до шелкового блеска расчесав щеткой рассыпанные по плечам волосы, появляется в столовой с царственным видом и высоко открытыми мини-юбкой ногами, как снова вспыхивает все тот же вечный конфликт поколений. Кто вообще ходит в таком виде в школу, спрашивает мать, на что Ника отвечает - безукоризненно вежливо, но с убийственным подтекстом, - что все нормальные люди именно в таком виде и ходят. Явиться в класс в вечерних чулках, говорит мать, раньше это и в голову бы никому не пришло, но дочь - еще вежливее и еще многозначительнее - возражает, что раньше им не приходило в голову слишком многое и еще вопрос, стоит ли этим так уж гордиться. После чего отец, до сих пор не принимавший в конфликте прямого участия, грубовато велит ей помалкивать и заняться завтраком, если она не хочет опоздать.

Стрелки часов, действительно, неумолимо приближаются к восьми, и мать, спохватившись, убегает в кухню - ей уходить на работу позже, но нужно успеть

приготовить кое-что к вечерней стряпне Ника, окончательно обиженная на весь свет, намешивает в чай полбанки сгущенного молока и тянет этот сироп с блюдечка, как всегда делает баба Катя, со страшным шумом и хлюпаньем - только для того, чтобы нарваться на очередное замечание и тогда с вызывающим видом возразить: "А что такого, интересно, я делаю?" Но все ее усилия на этот раз пропадают даром: у матери в кухне гудит какая-то техника, а отца, сидящего напротив, подобными штучками не проймешь. Он и сам довольно шумно прихлебывает свой кофе, не отрываясь от бумаг и делая на полях пометки тонким красным фломастером.

- Ну, все, - говорит он без пяти восемь и, собрав бумаги, щелкает массивными замками итальянского "дипломата" крокодиловой кожи. - Давай кончай, Вероника, и спускайся, я пока прогрею. Хороши мы с тобой будем, если аккумулятор сел за ночь. Мамочка, ау-у, я пошел!

Ника выносит в кухню поднос с остатками завтрака и снисходительно целует мать. Конфликты конфликтами, но в общем они ладят, - с родителями, надо признать, ей еще повезло, бывают ведь и вовсе ископаемые.

- Ну, беги, беги, - строго говорит мать, втайне любясь дочерью - Деньги на обед есть? Ничего не забыла?

- Мамуль, я, кажется, не маленькая...

Чтобы на этот счет не осталось никаких сомнений, Ника, поплотнее прикрыв дверь кухни, успевает еще забежать в спальню родителей и слегка надушиться, со знанием дела выбрав на туалетном столике самый запретный из флаконов. Горьковатый аромат "Митсуко" значительно прибавляет ей уверенности в себе, но, увы, ненадолго: в лифте она вспоминает, что помимо физики ее сегодня наверняка вызовут и по географии, что задана была на сегодня экономика пяти стран Латинской Америки, а ее представление об этом экзотическом континенте основывается главным образом на записях мексиканской и бразильской эстрады. Хоть бы и в самом деле сел аккумулятор, думает она с надеждой, троллейбусом в школу, пожалуй, уже и не успеть.

Но аккумулятор не сел, светло-серая "Волга" ждет у подъезда, нетерпеливо урча прогретым двигателем.

- Ты можешь хоть раз в жизни поторопиться? - раздраженно кричит отец. - Каждое утро, понимаешь, одно и то же!

Ника с обиженным видом садится рядом с ним.

Погода великолепна, никакого похолодания, скорее всего, не будет, но уж лучше бы дождь со снегом, чем это лицемерие Судьба уготовила тебе минимум две двойки, а вокруг все ликует, словно мир и в самом деле устроен как надо...

Поддав вздох, Ника косится на отца, на его руки, так уверенно лежащие на руле. Вот уж кого явно не тревожат мысли о несовершенстве мироздания. Машина проходит под высокой аркой; мягко притормозив, пересекает тротуар и, попетляв по довольно сложной схеме выхода на главную приезжую часть Ленинского проспекта, устремляется с общим потоком движения направо - в сторону Ломоносовского. Здесь она, непрерывно сигналив левой мигалкой, переходит из ряда в ряд, чтобы выскочить на перекресток в крайнем левом; потом, дождавшись зеленой стрелки, взвизгивает покрышками в крутом развороте и, быстро набирая скорость, мчится обратно - к Калужской заставе, к центру.

Спидометр уже показывает семьдесят, серая "Волга" идет у самой кромки разделительной полосы. Занимать крайний левый ряд - даже если все справа свободны - таков стиль езды Ивана Афанасьевича Ратманова. Его маленькая слабость, если хотите, которую он иной раз позволяет себе на державной шири Кутузовского проспекта. А уж здесь-то, дома, где его каждый инспектор знает в лицо... Поезди-ка вот так круглый год ежедневно, в одно и то же время, невольно перепознакомишься со всей районной ГАИ.

Иногда, впрочем, привычный маршрут меняется: на углу Ломоносовского светлосерая "Волга" делает правый поворот, потом еще один перед самым университетом, по проспекту Вернадского взлетает на мост и проносится над излучиной Москвы-реки - мимо гигантской чаши Лужников, пестрых павильончиков ярмарки у Фрунзенского вала, стекляннно-бетонной коробки гостиницы "Юность". Этим путем - по Комсомольскому проспекту, Зубовскому и Смоленскому бульварам - получается несколько ближе, и Иван Афанасьевич ездит так, если очень уж плохая погода или предстоит особо трудный день в министерстве. Обычно же он предпочитает более длинный путь через Калужскую заставу и Замоскворечье - это дает возможность каждое утро побыть с дочерью лишние четверть часа. Глупо, конечно, школу надо было сменить, а не таскаться теперь с Ленинского на Ордынку, но не захотела. Столько лет, мол, там проучилась, не привыкать же к новому классу за два года до аттестата. Из двух, кстати, уже остался один. Эх, время, время. Ладно, пускай ездит, ему только лучше - по вечерам они почти не видятся, а контактов с детьми терять нельзя, в наше время это ни к чему хорошему не приводит...

Контакты, думает он скептически и, оторвав взгляд от стоп-сигналов идущего впереди "Москвича", поглядывает вправо - на этот надменный девчоночий профиль в обрамлении гладких темных волос, подрезанных на лбу блестящей прямой челкой. Сидит, молчит, о чем-то, наверное, думает... А о чем - поди узнай. О школьных своих делах сама ничего не расскажет, а начнешь спрашивать - один ответ: "Нормально..."

Задумавшись, он едва не выезжает на желтый свет - "Москвич" успел проскочить, а "Волга", резко клюнув носом, замирает у самой пешеходной дорожки.

- Вот так, - говорит Ратманов, доставая сигарету, и вдавливая в гнездо кнопку прикуривателя. - С тобой доедзишься.

- А при чем тут я, интересно?..

- Будет у тебя взрослая дочка, тогда поймешь, при чем. Ну-ка, наклонись ко мне...

Опять у матери на туалете шуровала?

- И не думала вовсе, это мои. Пап, а американцы действительно собираются этим летом высадиться на Луне?

- Да, если не свернут программу...

- Какую программу?

- "Аполлон", какую же еще...

Красный глаз светофора гаснет, под ним вспыхивает желтый и почти сразу сменяется зеленым. Машина, присев на задних рессорах, хищным прыжком кидается вперед.

Мокрый после поливки асфальт во всю ширь располосован утренними тенями, свежий майский ветер врывается в открытые с обеих сторон окна. Впереди, полыхнув на солнце стеклами и хромировкой, сворачивает к воротам Академии наук черная "Чайка" - величественно, словно швартующийся корабль.

- Келдыш на работу едет, - снисходительно замечает Ника.

Отец удивленно поднимает брови.

- С чего ты взяла, что это Келдыш?

- Не знаю, очень уж торжественно его везут. Бывают женщины-академики?

- А почему нет, у нас женщины равноправны.

- Ну, это уж вообще... сдвиг по фазе, как говорит Светка. Всю жизнь учиться! Я думаю, это они от недостатка личной жизни.

- Что-что?

- Понимаешь, я читала про Елизавету Английскую, не теперешнюю, а ту, раньше, при Марии Стюарт. У нее было неблагополучно с личной жизнью, и поэтому она всю энергию вкладывала в государственные дела...